
Идентичность как форма категориального синтеза

© 2020 г.   Х.Г. Тхагапсоев

*Кабардино-Балкарский государственный университет,
Нальчик, 360004, ул. Чернышевского, д. 173.*

E-mail: gapsara@rambler.ru

Поступила 18.09.2019

Работа посвящена анализу генезиса дефиниции «идентичность», которая, войдя в научно-дискурсивный оборот как служебный термин, со временем обрела смысловые границы философской категории в общем ряду категориальных мер бытия и ныне претендует на роль выразителя оттенков бесконечного многообразия и динамичной изменчивости сущего – как форм бытия, так и форм включенности человека в реальную действительность. При этом идентичность рассматривается как пока еще формирующаяся (складывающаяся) категориальная мера определенности и регулярности бытия, самождественности нечто. Показано, что смысловая структура и формы операциональности категории «идентичность» отражают характерные признаки постклассического этапа развития познания, знания и форм предикации бытия: конструктивизм, единство субъекта и объекта познания, синтез разнородных знаний и познавательных практик. В развитии категории идентичности и ее смысловых граней доминирует роль контекстно-авторской интерпретации, что выводит любой дискурс идентичности на плоскость категориального синтеза.

Ключевые слова: универсалии культуры, идентичность, типология идентичности, инверсия, социальная идентичность, когнитивно-культурные формы, повседневность, категориальный синтез.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–5-140-149

Цитирование: *Тхагапсоев Х.Г.* Идентичность как форма категориального синтеза // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 140–149.

Identity as a Form of Categorical Synthesis

© 2020 Khazhismel G. Tkhangapsoev

*Kabardino-Balkar State University,
173, Chernyshevsky str., Nalchik, 360004, Russian Federation.*

E-mail: gapsara@rambler.ru

Received 18.09.2019

The work is devoted to the analysis of the genesis of the definition of “identity”, which, having entered the scientific and discursive circulation as an official term of psychiatry, over time has found the semantic boundaries of the philosophical category in the general series of categorical measures of being and now claims the role of a spokesman for the shades of infinite diversity and the dynamic variability of existing as forms being, and the forms of human involvement in reality. Moreover, identity is regarded as a still forming (developing) categorical measure of certainty and regularity of being, something self-identity. It is shown that the semantic structure and forms of operability of the category “identity” reflect the characteristic features of the post-classical stage of development of cognition, knowledge and forms of prediction of being: constructivism, the unity of the subject and object of cognition, the synthesis of diverse knowledge and cognitive practices. The development of the category of “identity” and its semantic faces is dominated by the role of contextual-author interpretation, which brings any discourse of identity to the plane of categorical synthesis.

Keywords: cultural universals, identity, typology of identity, inversion, social identity, cognitive-cultural forms, everyday life, categorical synthesis.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–5–140–149

Citation: Tkhangapsoev, Khazhismel G. (2020) “Identity as a Form of Categorical Synthesis”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2020), pp. 140–149.

В отличие от понятийных номинаций предметных наук, которые обретают, как правило, жизнь в инициативном конструктивизме познающего субъекта – конкретного автора или на основе неких конвенций в научном сообществе, появление философских категорий требует объективных предпосылок, поскольку их истоком является генезис мировоззренческих универсалий культуры, регулирующих деятельность, поведение и общение людей, а точнее – рационализация этих универсалий и возведение заключенных в них «смысло-образов» до уровня идеальных объектов познания [Степин 2009, 6]. Но чем является означенное рефлексивно-аналитическое действие по смыслу и сути? Это не что иное как «работа с картиной мира» (ее выстраивание, интерпретация); соответственно, каждый шаг в этом плане являет собой ответ на некие вызовы разуму человека. К тому же, универсалии культуры взаимосвязаны в целостную систему и любые попытки рационализации какой-либо из них так или иначе упираются в проблему «главного звена» – в поиск, означивание и вычленение той универсалии, в чьем смысловом пространстве в данный момент концентрируются ключевые представления человека о мире, «о себе в мире», «о должном в мире», «о возможных мирах» и способах адаптации к ним. Таким образом, появление новых философских категорий связано, прежде всего, с необходимостью рационализации таких универсалий культуры, которые актуализированы «ходом времени» – цивилизационной ситуацией в данный момент, особенностями развития социально-культурных практик, что ярко прослеживается на примерах истории европейской философии.

Так, в античности система мировоззренческих универсалий задается и детерминруется идеей (картиной мира) непосредственной соотнесенности человека и космоса, что с неизбежностью отводит категориям «макрокосм» и «микрокосм» роль системообразующих начал философии, интерпретации бытия. В последующем, на различных этапах истории роль «заглавной универсалии» европейской культуры выполняют Бог (Абсолют), а также идеи-принципы: «рациональный разум», «свобода», «общественный договор», «прогресс», «права человека», задавая так или иначе общий строй культурно-мировоззренческих универсалий и тренды развития философской мысли в данную конкретную эпоху.

Ныне состояние цивилизации осознается не иначе как «пороговое», как преддверие смены всех форм жизнедеятельности человека, от экономико-технологических до культурно-экзистенциальных. В такой ситуации главными мерами бытия и универсалиями культуры «по необходимости» становятся темпы, масштабы и тренды перемен в бытии человека, их множественность, изменчивость, грани. Понятно, что эта ситуация требует, прежде всего, преломления и интерпретации в когнитивном пространстве категории «идентичность», на основе ее маркеров и паттернов. Тем более, что это относимо не только к бытию «здесь и сейчас», но и к прошлым развилкам (и пороговым ситуациям) истории, о чем, в частности, свидетельствуют известные исследования роли и места инверсии универсалий в процессах социально-культурной истории русского этноса [Давыдов 2010], по сути превращающих инверсию идентичности в своеобразную меру истории и культуры.

Инверсия идентичности как форма и механизм социальной процессности

Идентичность в дискурсах социально-гуманитарной науки чаще всего соотносится с человеком, его психическим становлением и самопозиционированием в социуме [Erikson 1968; Труфанова 2010; Павлова 2010; Свасьян 2010; Семененко (ред.) 2017]. Это и понятно – особенности социального бытия находят отражение в типах личности и персональной идентичности человека, поскольку идентичность в проекции на человека есть ни что иное как форма интеграции в индивиде смыслов бытия, форм и типов социальности. Однако здесь напрашиваются уточнения. Дело в том, что персоналистические формы культурного бытия (а значит – идентичности) имеют собственную историю: они стали возможны лишь с выходом на историческую арену европейского капитализма. На предшествующих этапах человеку надлежало оставаться в рамках сакрализованной идентичности «данной от рождения» (с учетом сословной и религиозной принадлежности), а ее поддержание и воспроизводство составляло смысл социального бытия. В этом контексте выход капитализма на арену истории означал не только новую историческую веху, но и смену приоритетов в системе культурно-мировоззренческих универсалий, – отныне в их общем строе «заглавным» становился «прогресс» – ничем не ограничиваемые перемены к обновлению и развитию. В итоге по мере становления капитализма (дифференциации форм деятельности и социальности) складывается новый, способный к изменениям и самоизменениям (т. е. трансформативный) тип социальной идентичности. Так за поступью истории объективно стоит инверсия смыслов и форм социальной идентичности, да и сама история закрепляется и отпечатывается в общей ткани социального бытия именно в трансформациях социальной идентичности, что впервые ярко проявляется в процессах становления капитализма.

Культурно-историческая ситуация вновь кардинально меняется во второй половине XX века. В общем контексте появления и развития принципиально новых средств коммуникации и нарастания темпов глобализации мира формируется такой модус социальной идентичности, который, на наш взгляд, может быть определен как «коммуникативно-спектральный», поскольку выражает характерные личностные качества современного человека – универсальную (ментальную, культурную профессиональную, поведенческую, пространственную) мобильность и коммуникативную активность [Тхагапсоев 2013]. А коммуникативное бытие ныне таково, что настойчиво

предлагает множество комбинаций смыслов, ценностей, жизненных ориентиров и поведенческих стратегий, т. е. «готовых проектов идентичностей». В итоге социальная идентичность обретает не только множественный, но и «аберрирующий» характер, внушаемый действием привходящих факторов (малой социальной группой, СМИ, политическими технологиями, культурными авторитетами, веяниями в моде), порождая спектры типов персональной идентичности. В этом плане характерно появление фигуры «пранкера» – человека необычайно широкого диапазона коммуникативной идентичности, способного выдать себя практически за кого угодно – сенатора, министра или даже известного президента конкретного государства. Так заявляет о себе очередная инверсия социальной идентичности, трансформирующая ее смыслы и формы в «вещь напрокат», в роли «на выбор», в «проектно-ситуативную модель типа личности», фактически выводя на арену социального бытия и истории человека «икс-идентичности».

Соответственно, в бытующей сегодня цивилизационной ситуации на первый план выходит вовсе не самоощущенность человека, а спектр и динамика его изменчивости (ментальной, культурной, поведенческой, профессиональной, жизненно-стилевой), что манифестируется как креативность. Более того, социальная идентичность, базирующаяся на «устойчивых формах» бытия (религия, этнос, семья, национальное государство, политическая идеология, этическая система) ныне воспринимается, скорее, как признак реакционности и даже как угроза свободе и прогрессу.

В этой ситуации и способы бытия человека все чаще обретают развоплощенный характер и «превращенные формы», – государство утрачивает суверенность и превращается в некую форму корпорации, семья трансформируется в «клуб по интересам и череду гражданских браков», рынок превращается в орудие «противорынка» [Федотова, Колпаков, Федотова 2013], банки отрываются от экономики, оборачиваясь в технологию производства «вторичных денег» (деривативов); наука и ее академические методы сдают свои позиции перед технаукой, за которой видятся лишь технико-технологические приложения знания [Пружинин 2008; Черникова 2013]; политика перестает быть реальным способом системного выражения интересов больших групп людей (реалполитикой), оборачиваясь волнами атак «мягкой силы», «цветных революций» и информационных войн, призванных обеспечить перераспределение ресурсов в пользу сильнейших групп влияния, поддерживая при этом иллюзию «роста и развития демократии». На таком фоне вовсе не кажутся преувеличениями прогнозы о грозящих человеку и обществу «разрывах» социальной идентичности во всех ее измерениях: историко-генетических, пространственно-структурных, культурных [Емелин, Тхостов 2015]. Не кажутся преувеличениями и прогнозы о скором наступлении эпохи трансгуманизма и пост-человека, неизбежно чреватых самыми опасными формами инверсии социальной идентичности.

Идентичность в онтологии и когнитивистике повседневности

Дефиниция «идентичность» в активном ходу в целом ряде сфер предметного познания – в психологии, социологии, политологии – и каждая предлагает собственное определение идентичности, отвечающее ее представлениям, интересам и познавательной специфике. Однако наибольшее распространение получили три концепции идентичности. В первой из них ключевая роль отводится субъективному началу – идентичность соотносится с ментально-психическими процессами самоощущения индивида, т. е. с субъективной позицией человека по поводу того, «кто он есть, с кем схож; кто свой, а кто – чужой» [Малахов 2001]. Во второй концепции идентичность предстает как различительная метка (маркер) онтологически однотипных объектов [Цымбурский 2000], а в третьей она трактуется как предикативная форма различения подобия и самоощущенности вещей [Кукарцева 2009]. Очерченная ситуация свидетельствует о том, что понятие идентичности относится к числу понятий предельно широкого плана, вплетенных в мир культурных смыслов и социальных практик (т. е. философских категорий), будучи «операциональным дериватом» категории тождества. В этом плане характерна

роль идентичности в процессах повседневности, в частности – в повседневной социально-культурной коммуникации.

Ныне едва ли не главным трендом повседневной жизни стала активная демонстрация малыми группами своих идентичностей: от толерантно-умилительных (у «сетевых друзей», «умной толпы», движений арт-данса) до агрессивных (у футбольных фанатов, экстремистов всех мастей и окрасов) и «вечно гонимых» (диаспорных групп, «понаехавших»)...) Именно на этом фоне в современном обществе выстраиваются коммуникативные процессы и действия – основной фактор включения человека в социальное целое. Но здесь принципиально важно существование двух типов социальной информации – «безусловной», которая отражает происходящее «здесь и сейчас» и «условной», структурированной и организованной в виде системных кодов, операциональных символов и знаков, т. е. когнитивно-культурных форм (естественных и научных языков, ритуалов, обычаев, норм традиций, моды, поведенческих моделей и форм общения в том числе в социальных сетях), на основе которых и становится возможной интерпретация текущего потока информации [Чернавский 2001].

В наш век «визуализации бытия и культуры» к формам условной социальной информации безусловно относится также спектр типов и форм социальной идентичности. Дело в том, что ныне социум не только сильно дифференцирован, но и информационно перегружен, что ведет к дифференциации информационных потоков в «адресные сети» и «поля информации». В итоге жизнь человека протекает в «маркированных» информационных полях, в которых обыденное сознание проявляет себя, как правило, в доверительно воспринимаемых формах (на уровне «подобия/различия» по отношению к тому, что ценится и поддерживается в данной малой группе) [Касавин, Щавелев 2004]. Это относится, прежде всего, к знаниям о трендах повседневной жизни, профессиональной деятельности и культурной коммуникации, о модах и лидерстве в различных сферах бытия. В итоге именно идентичность процессов, вещей, индивидов и ее интерпретация в логике, семантике и информационном поле малой группы формирует и направляет поведение человека в турбулентном потоке современной повседневности. Так идентичность оказывается соотносенной с социальным бытием во всех его аспектах (в конструировании, интерпретации, идентификации, воспроизводстве), выступая как основа гносеологической культуры человека и его «когнитивный навигатор» в бытии, в социальной практике. В этом контексте, трудно не согласиться с идеей о том, что в социальном познании онтология и эпистемология не могут противопоставляться, поскольку они «являют собой не более чем позиции рефлексии, реализуемые в дополнительных модусах деятельности и коммуникации» [Касавин 2014, 76–77].

К трансформации ракурса предикации бытия – от сущностей, структур и процессов к спектрам их идентичностей

Философские категории, к коим относится и идентичность, будучи универсальной когнитивной формой, выполняют обширный спектр функций: обобщение и категориальный синтез знания, перенос (трансфер) знания из одной области познания в другую, рефлексирование над универсалиями культуры и, конечно же – моделирование бытия в его целостности и системно-структурных аспектах. В этом контексте генезис категориальной системы являет собой особое измерение философии, ее «зеркало». Так, предикативный арсенал Аристотеля базируется на категориях: сущность, субстанция, количество, качество, отношение, место, положение, но при этом самыми главными считаются «место», «время» и «положение» [Лебедев 2000, 175]. При таком подходе традиционные аристотелевские категории скорее манифестируют бытие и его некие аспекты, нежели интерпретируют их системно и в соотношении с человеком. В лингвистике такая форма предикации определяется как «незавершенная» [Степанов 1990, 393].

Новым этапом в генезисе способов предикации бытия в европейской философии становится кантовская система «априорных форм»: количества (единство, множество,

цельность); качества (реальность, отрицание, ограничение); отношения (субстанция, причина, взаимодействие); модальности (возможность – невозможность, существование – не существование, необходимость – случайность). Эти категории обеспечивают куда более высокий уровень дифференциации и полноты предикации бытия. Однако и в данном случае бытие остается внеположным человеку, «вещью в себе», по отношению к которой человеку дано лишь как-то позиционироваться на основе априорных форм.

Очередной вехой в генезисе предикаций бытия является философия Гегеля. Гегелевские «триады/диады»: «бытие – небытие – становление»; «количество – качество – мера»; «сущность – явление», «форма – содержание», «причина – следствие», «возможность – действительность», соотнесенные с ключевой категорией «противоречие», не только открывают множество новых граней бытия, но и выражают их в динамике, в сложных и противоречивых измерениях, адресуясь, казалось бы, восприятию человека и соотносясь с ним. Но поскольку реальным субъектом бытия и его процессов в гегелевской философии является Идея (Дух), а человеку отведена лишь роль механизма воплощения намерений и проектов Духа, в рамках этой философии, по сути, не предполагается содержательной интерпретации отношений человека и бытия. Более того, внеположность бытия в гегелевской системе обретает такую форму, что человек оказывается духовным рабом детерминированного процесса, что фактически воспроизводится и в историческом материализме (хотя марксистская деятельностная концепция социальности явно противоречат идее детерминированности истории).

Новый этап развития форм предикации бытия задается индустриальной эпохой, набирающей доселе невиданные обороты и темпы развития «на тяге парового двигателя», вызывая к жизни новую картину мира, в которой первые позиции занимают сущности «сила», «движение», «энергия», «действие», пригодные в равной мере, как для механистической так и для иррационалистической (Шопенгауэр, Ницше) модусов предикации бытия.

Однако по мере трансформации индустриального общества в пост-индустриальное возрастает многообразие форм социального бытия. В этом контексте множественный характер обретает и сама философия (позитивизм, марксизм, философия жизни, экзистенциализм, прагматизм, фрейдизм, постмодернизм), порождая ситуацию «абerrации» и «стигматизации» картины мира, а в итоге – формат аспектно-ракурсной, мозаичной предикации бытия и «множественности философий». К тому же радикально меняется облик мира в представлении науки: объектно-вещная онтология сменяется онтологией многообразных процессов и их системно-сетевых отношений, требуя и новых форм предикации. И здесь идентичность, ее маркерно-дифференцирующий потенциал, который может конструироваться в несчетных вариантах, как нельзя лучше отвечает означенному когнитивному запросу. К тому же форма регулярности бытия, выражаемая на основе категориальной меры «идентичность», характеризуется рядом специфических черт «под стать облику» современного мира. В их числе: отсутствие жесткой детерминации связей-отношений, подвижность границ и областей отражаемой сущности, высокая мера условности порядка и регулярности в ее (сущности) строе – в силу конвенциональной заданности (на основе типов, образцов, моделей) идентичности. Все это, подчеркнем еще раз, хорошо вписывается в картину мира информационной эпохи, в логику постнеклассического познания и миропонимания. В этом смысле категория идентичности, можно сказать, претендует на «заглавную роль» в предикации современной картины мира (социальной – особенно).

Грани операциональности категории «идентичность»

Выше уже затрагивались отдельные грани операциональности идентичности: она выступает как форма предикации бытия и способ социального познания, поскольку процесс познания включает в себя различные стратегии идентификации, изначально предполагая некие образы объекта познания. И еще – ее смысловое содержание включает три аспекта: *когнитивный, коннотативный и эмотивный*. При этом *когнитивный*

аспект выражает тип, форму и меру регулярности бытия; *коннотативный* – влияние контекста (ситуации, среды) на процесс идентификации; а *эмотивный* – эмоциональную позицию (симпатии-антипатии, приятие-неприятие, норма – вне нормы) субъекта-идентификатора в отношении референтов, полагаемых за категорией идентичности. Значимость этих аспектов идентичности варьируется. Например, когда идентичность соотносится с миром логики или математики, за нею стоят смыслы высокой общности (числа, схемы, модели, математические функции), идентификация которых носит логизированный характер, не предполагая эмотивных наслоений. Напротив, когда речь идет об идентичности социального бытия или культурных типов, за процессами идентификации часто оказывается эмоционально окрашенная «оптика позиций», трансформируя объект идентификации в стереотипы негативного плана – «лицо кавказской национальности», «ватник», «москаль» и т. д.

Но главное в том, что идентичность, будучи философской категорией, предстает, прежде всего, как способ и форма категориального синтеза знания. В частности, понятие социальной идентичности обобщает и синтезирует в целостность массивы знания, в которых отражаются типы ментальности и социальности, психотипы и формы культуры, поведенческие схемы, ценностные установки людей, социальных групп.

К тому же у понятия идентичности есть еще одна грань – неуклонное возрастание ее роли в естественнонаучном познании. В этом плане характерны идея фрактала (нерегулярных само-подобных множеств) и активно обсуждаемая проблема соотношения «ментальных состояний» и «состояний мозга», их идентичностей [Маркова 2010]. Появление понятий «странный аттрактор», «темная материя/темная энергия», «цвет кварка», а также переход логики научного познания от былого «объективного онтологизма» к стратегии «контекстно-конструируемой эпистемологии» (исключающей противопоставление объекта и субъекта) воспринимается не иначе как актуализация потенциала категории «идентичность» во всех сферах познания.

Когнитивный потенциал категории «идентичность» оказывается вне всякой конкуренции, когда речь идет о познании такой сущности как «виртуальное». Будучи лишенной субстанциональных оснований, виртуальность может быть описана, осмыслена и репрезентирована разве что на основе конвенционально-маркировочного потенциала категории «идентичность», в частности – на основе типов и форм идентичности субъектов/акторов виртуального пространства (блогер, постер, модератор, медиум, провайдер, пранкер и др.) или же идентичности практикуемых ими виртуальных технологий (чат, форум, флэш-моб, хакатон, электронный платеж, фондовая биржа, электронная библиотека).

Если учитывать изложенное, очевидно, что понятие идентичности соотносится практически со всем спектром форм бытия – от логико-математических конструктов и объектов естественнонаучного познания до уникальных и спонтанных форм самощущения человека, адресуясь в ряды ключевых категорий предикации бытия. В этом контексте встает вопрос о типологии идентичности. Проблема типологии идентичности актуализируется еще и тем, что в литературе циркулирует множество «видов» и «типов» идентичности без четких и убедительных систематизирующих оснований [Политическая идентичность 2011].

Между тем, уже изложенное нами задает общие контуры типологии идентичности, намечает спектр возможных критериев ее построения. Могут быть выделены «семейственные» (т. е. укрупненные) типы идентичности, в частности:

- социальная идентичность (которая, в свою очередь, включает такие аспектные формы идентичности, как социетальная, политическая, культурная, профессиональная, религиозная, сетевая, клубная, корпоративная, идентичности малых групп и т. д.);
- социоприродная идентичность (геополитическая, цивилизационная, гендерная, возрастная, квир-идентичность);
- природная идентичность (идентичность рода и вида живого, популяции, экосистемы, географического пространства, геологического образования, минералов, «темной материи», «темной энергии», сверхновой звезды);

- ментальная идентичность (логико-математические конструкции и модели, мода, парадигмы науки и художественного творчества, политико-идеологические нарративы, брэнды и др.);
- артефактная идентичность (идентичность видов техники, предметов культуры, объектов социальной инфраструктуры и ее элементов);
- идентичность виртуальной реальности (импрессионная, коммуникативная).

Приведенная типология (не претендующая, разумеется, на исчерпывающую полноту) может стать основой для предметно-ориентированных (психология, социология, политология) типологий идентичности.

Идентичность, как следует из изложенного, не исчерпывается моделью генезиса философских категорий как процесса рационализации той или иной культурной универсалии. Идентичность не укладывается также в типизирующие рамки философских категорий «онтологические – эпистемологические», что, на наш взгляд, относительно и к категориям «парадигма», «тип научной рациональности». Все означенные категории схожи в том, что в их смысловом пространстве объединены разнородные сущности. Так, парадигма являет собой форму бытия знания, но, в отличие от прочих форм научного знания (гипотеза, закон и др.), она бытует лишь в связи и единстве с научным сообществом. Точно так же в рамках категории «тип научной рациональности» субъект полагается в единстве с объектным миром, здесь значимы также познавательные интенции субъекта, его методологический выбор и аксиологические установки [Степин 2000, 610–619]. Что касается категории «идентичность», которая выступает как выражение регулярности бытия и тип меры: количественно-качественной, пространственно-временной, системно-структурной и процессной определенности нечто, она также не может быть «отчуждена» от субъекта. А самое главное – возникновение рассматриваемых категорий обусловлено скорее не запросами «на перестройку» картины мира (что в общем и вызывает к жизни новые философские категории), а эпистемологическими проектами и когнитивными установками конкретных авторов ради расширения собственного интерпретационного арсенала.

Как видим, механизм генезиса философских категорий по ходу времени «мутирует» и трансформируется, переключаясь с эволюционных принципов постепенной рационализации культурно-мировоззренческих универсалий на конструктивистские способы отклика на актуальные вызовы социального бытия и его познания. Речь, по сути, идет об актуализации проективных и прогностических интенций и усилий философии в современной цивилизационной ситуации [Лапин 2015]. В этом контексте, как нам представляется, на философскую арену «проектного синтеза» актуальных предикаций настойчиво просятся категориальные дефиниции, смыслы и онтологические референты которых претендуют явить нам образы цивилизационных перспектив человека. Это, прежде всего, «технонаука», «постчеловек», «цивилизация реального гуманизма» и «социокультурная коммуникация». Ведь в условиях информационного общества и мироустроительных интенций нынешнего «глобального» мира, в ситуации грядущего выхода искусственного интеллекта на позиции «привилегированного субъекта коммуникации», именно сетевая социокультурная коммуникация фактически становится (стала) на место едва ли ни всех институций и механизмов социального регулирования и форм социальных отношений (государства, политических институтов, права, морали, культурных традиций, религий, поведенческих стратегий).

Источники – Primary Sources and Russian Translations

- Семененко (ред.) 2017 – Семененко И.С. (ред.) Идентичность: Личность. Общество. Политика. М.: Весь Мир, 2017 (Semenenko I.S. (ed.) *Identity: Personality. Society*. In Russian).
- Степин 2009 – Степин В.С. Конструктивные и прогностические функции философии // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 5–15 (Stepin V.S. The Constructive and Prognostic Functions of Philosophy. In Russian).
- Степанов 1990 – Степанов Ю.С. Предикация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 393–394 (Stepanov, Yu.S. *Predication*. In Russian).

Primary Sources

Erikson, Erik (1968) *Identity: Youth and Crisis*, Norton Company, NY., pp. 87–113.

Ссылки – References in Russian

- Давыдов 2010 – Давыдов А.П. Инверсия как культурное основание цикличности в развитии (к вопросу об объекте деконструкции в русской культуре) // *Философские науки*. 2010. № 1. С. 25–29.
- Емелин, Тхостов 2015 – Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // *Вопросы философии*. 2015. № 2. С. 14–24.
- Касавин 2014 – Касавин И.Т. Социальная онтология и социальная эпистемология // *Эпистемология и философия науки*. Т. XL. 2014. № 2. С. 74–84.
- Касавин, Щавелев 2004 – Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004.
- Кукарцева 2009 – Кукарцева М.А. Идентичность // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. М.: Канон+, 2009. С. 265–266.
- Лапин 2015 – Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Часть I. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // *Вопросы философии*. 2015. № 4. С. 3–15.
- Лебедев 2000 – Лебедев А.В. Аристотель // *Новая философская энциклопедия*. Т. 1. М.: Мысль, 2000. С. 173–176.
- Малахов 2001 – Малахов В.С. Идентичность // *Новая философская энциклопедия*. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 78–79.
- Маркова 2010 – Маркова Л.А. Физика мозга и мышление // *Вопросы философии*. 2010. № 3. С. 161–171.
- Павлова 2010 – Павлова О.Н. Цивилизационный феномен нарциссизма: векторы объективации в парадигме психоанализа // *Вопросы философии*. 2010. № 6. С. 20–32.
- Политическая идентичность 2011 – Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки (отв. ред. И.С. Семененко). М.: РОССПЭН, 2011.
- Пружинин 2008 – Пружинин Б.И. Надеюсь, что будет жить // *Вопросы философии*. 2008. № 5. С. 66–71.
- Свасьян 2010 – Свасьян К.А. Prooemium // *Вопросы философии*. 2010. № 2. С. 3–12.
- Степин 2000 – Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Труфанова 2010 – Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей // *Вопросы философии*. 2010. № 2. С. 13–22.
- Тхагапсоев 2013 – Тхагапсоев Х.Г. В поисках новой методологической парадигмы политической науки: принцип идентичности // *Полис*. 2013. № 4. С. 173–181.
- Федотова, Колпаков, Федотова 2013 – Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Какая модернизация и какой капитализм нужны России? // *Вопросы философии*. 2013. № 10. С. 3–12.
- Цымбурский 2001 – Цымбурский В.Л. Идентичность цивилизационная // *Новая философская энциклопедия*. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 80–81.
- Чернавский 2001 – Чернавский Д.С. Синергетика и информация. М.: Наука, 2001.
- Черникова 2013 – Черникова И.В. Взаимосвязь фундаментального знания и технологических проектов науки // *Эпистемология и философия науки*. Т. XXVIII. 2013. № 4. С. 177–189.

References

- Chernavsky, Dmitry S. (2001) *Synergetics and Information*, Nauka, Moscow, pp. 211–237 (in Russian).
- Chernikova, Irina V. (2013) “Interrelation of Fundamental Knowledge and Technological Projects of Science”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 4 (2013), pp. 177–189 (in Russian).
- Davydov, Alexey P. (2010) “Inversion as the Cultural Basis of Cyclicity in Development (to the Question of the Object of Deconstruction in Russian Culture)”, *Filosofskiye Nauky*, Vol. 1 (2010), pp. 25–29 (in Russian).
- Emelin, Vadim A., Tkhostov. Alexander Sh. (2015) “Deformation of the Chronotope in Conditions of Sociocultural Acceleration”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2015), pp. 14–24 (in Russian).
- Fedotova, Valentina G., Kolpakov, Vladimir A., Fedotova, Nina N. (2013) “What Kind of Modernization and What Kind of Capitalism do Russia Need?”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2013), pp. 3–12 (in Russian).
- Kasavin, Ilya T. (2014) “Social Ontology and Social Epistemology”, *Epistemology & Philosophy of Science*, Vol. 2 (2014), pp. 74–84 (in Russian).
- Kasavin, Ilya T., Schavelev, Sergey P. (2004) *Analysis of Everyday Life*, Kanon+, Moscow (in Russian).

Kukartseva, Marina A. (2009) "Identity", *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science, Kanon+*, Moscow (2009), pp. 265–266 (in Russian).

Lapin, Nikolai I. (2015) "Fundamental Values of Civilizational Choice in the XXI Century. Human Civilization before Choosing the Configuration of Fundamental Values", *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2015), pp. 3–15 (in Russian).

Lebedev, Andrey V. (2000) "Aristotle", *New Philosophical Encyclopedia*, Vol. 1, Mysl, Moscow, pp. 173–176 (in Russian).

Malakhov, Vladimir S. (2001) "Identity", *New Philosophical Encyclopedia*, T. 3, Mysl, Moscow, pp. 78–79 (in Russian).

Markova, Lyudmila A. (2010) "Physics of the Brain and Thinking", *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2010), pp. 161–171 (in Russian).

Pavlova, Olga N. (2010) "Civilization Phenomenon of Narcissism: Vectors of Objectification in the Paradigm of Psychoanalysis", *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2010), pp. 20–52 (in Russian).

Pruzhinin, Boris I. (2008) "I Hope that Will Live", *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2008), pp. 66–71 (in Russian).

Semenenko, Irina S (ed.) (2011) *Political Identity and Identity Policy*, Vol. 1, ROSSPEN, Moscow (in Russian).

Svasyan, Karen A. (2010) "Prooemium", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2010), pp. 3–12 (in Russian).

Stepin, Vladislav S. (2000) *Theoretical Knowledge*, Moscow (in Russian).

Tkhagapsoev, Khazhismel G. (2013) "In Search of a New Methodological Paradigm of Political Science: the Principle of Identity", *Polis*, Vol. 4 (2013), pp. 173–181 (in Russian).

Trufanova, Elena O. (2010) "The Man in the Labyrinth of Identities", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2010), pp. 13–22 (in Russian).

Tsybursky, Vladimir L. (2001) "Identity of civilizations", *Novaya Filosofskaya Entsiklopediya*, Vol. 3, Mysl, Moscow, pp. 80–81 (in Russian).

Сведения об авторе

ТХАГАПСОВЕВ Хажисмель Гисович –
доктор философских наук, профессор
кафедры философии Кабардино-Балкарского
государственного университета.

Author's Information

TKHAGAPSOEV Khazhismel G. –
DSc in Philosophy, Professor,
Department of Philosophy,
Kabardino-Balkarian State University.